

Кьяра Фругони

НА НОСУ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Книги, пуговицы
и другие символы эпохи,
изменившей мир

Дяе в. с. р. о. н. и. с. е. ч. о. с. л. в. y. л. o. ||||
Et omnia creata dicuntur que hanc ne aërotem sicut appellat
a aërotem dicitur momentis horis dieb' mensib' annis iustis
sels et aërotem dividuntur. Dicuntur sicut aërotem
a comunionis aërotem aërotem quod hanc se humose
siccitate calore et frigore aërotem. Momentis que dicuntur

Кьяра Фругони

**На носу Средневековья. Книги,
пуговицы и другие символы
эпохи, изменившей мир**

«Азбука»

2004

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Фругони К.

На носу Средневековья. Книги, пуговицы и другие символы эпохи, изменившей мир / К. Фругони — «Азбука», 2004

ISBN 978-5-389-31771-0

Средние века считались некогда темными веками – время интеллектуального застоя и жестоких нравов. В действительности это было время необычайных культурных новшеств и технологических инноваций. Выдающийся историк-медиевист Кьяра Фругони приглашает нас в удивительное путешествие по дорогам Средневековья, ко всем тем вещам и идеям, которые появились в эту эпоху и имеют важнейшее значение для нас сегодня. Благодаря Средним векам мы приобрели очки, книги, брюки, карты Таро, мельницы и обеденные столы, а у нашего домашнего очага появилась кошка. Само время оказалось покорено и заключено в облик часов на спусковом механизме. «От очков до компаса, от пуговиц до университета – блестящая работа Кьяры Фругони предлагает нам портрет эпохи, которая совсем не была темной и далекой от прогресса: эта эпоха была ознаменована жизненно важными изобретениями» (Жак Ле Гофф). В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-389-31771-0

© Фругони К., 2004
© Азбука, 2004

Содержание

Предисловие	6
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кьяра Фругони

На носу Средневековья. Книги, пуговицы и другие символы эпохи, изменившей мир

Chiara Frugoni

MEDIOEVO SUL NASO

Occhiali, bottoni e altre invenzioni medievali

© 2004, Gius. Laterza & Figli

© Врона О. Х., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

* * *

[Фругони] мастерски выстраивает повествование, увлекая читателей в познавательное, зачастую очаровательное и ироничное путешествие...

Choice

Эта очаровательная история, мастерски рассказанная выдающимся медиевистом, представляет нам богатое воображение и необычайную изобретательность той эпохи, наследие которой состоит не только из книг, банков и пуговиц. Но также включает очки, игральные карты, пасту, вилки, нижнее белье, механические часы и даже кошек дома!

Library Journal

Вероятно, эта книга пробудит интерес студентов к Средневековью, а опытных специалистов познакомит с проблемами, которые они упустили из виду.

Southern Illinois University Speculum

Предисловие

Чем мы обязаны Средневековью? Вспомним некоторые предметы: очки, бумага, филигрань, книга, печать ручным набором, университет, арабские цифры, ноль, летоисчисление от Рождества Христова, банки, нотариус и монте ди пьета, генеалогическое дерево, названия музыкальных нот и музыкальная гамма.

Средние века подарили нам пуговицы, трусы и брюки, развлекали нас игральными картами, картами Таро, шахматами и карнавалами; успокаивали боль анестезией, обманывали амулетами (тем не менее коралл, защищающий детей и оберегающий от молний, также входит в состав четок). Они завели кота в дом, вставили стекла в окна и установили камин, усадили всех за стол (римляне вкушали пищу лежа) и заставили есть вилоккой столь обожаемую пасту, в особенности макароны и вермишель, муку для которых неустанно мололи на водяных и ветряных мельницах. Они научились использовать движущую силу воды, приводя в действие пресс и лесопилку, сукновальню, мельницы для бумаги и муки. Средневековье также открыло другую необыкновенную движущую силу: лошадь, снабдив ее подковами, стременами и жестким хомутом, чтобы животное могло тянуть груз без риска задохнуться от его веса; оно облегчило изнурительный человеческий труд с помощью тачки, сделало безопаснее пути мореплавателей с помощью компаса и штурвала. Благодаря ему во время битвы стали развеваться флаги с разноцветными гербами и раздаваться грохот пороха, ружей и пушек. Оно изменило наше ощущение времени на этой земле с помощью часов со спусковым механизмом, внедрив измерение часа одинаковой продолжительности, вне зависимости от времени года; но также изменило наше представление о времени в загробном мире, когда появилось третье царство – чистилище, нарушившее неизменность судьбы в вечности. Наконец, оно заставило детей мечтать о Деде Морозе.

Эта книга не претендует на исчерпывающую информацию обо всех средневековых изобретениях, на объяснение всех оборотов речи, пословиц и привычек того прошлого, которое до сих пор с нами: подобно тому как собирающий весной цветы не выдирает их полностью, обнажив многоцветный луг. Мой букет будет зна́ком уважения Средним векам, всем тем улучшениям, которыми мы до сих пор пользуемся. Я следовала повествовательной линии, опираясь на красоту средневековых изображений и текстов, я надеюсь, что вы разделите, возможно с удивлением, мою признательность.

Кьяра Фругони

15 марта 2001 года, день рождения Нини (Джованни), моего брата (1945–1970)

1

Умение читать и считать

Искусство создавать очки

Каждое утро вот уже несколько лет первым жестом после пробуждения я возвращаю себе тот мир, который видела двадцать лет назад, благодаря прекрасному средневековому изобретению: очкам. Ими пользовался и Петрарка, однако с совсем другим настроением. В письме «К потомкам» (прерванном событиями его жизни в 1351 году) он описывал это так:

Не могу похвастаться великой красотой, но в молодости я мог понравиться: свежим цветом лица между белым и смуглым, живыми глазами, которые в течение долгого времени сохраняли необычайную остроту, но вопреки всем ожиданиям подвели меня, как только мне исполнилось шестьдесят, в итоге мне пришлось с неохотой прибегнуть к помощи очков¹.

Мы не знаем, что именно так огорчило Петрарку: проблема эстетики, неудобство ношения на носу своего рода пенсне – как мы затем увидим, очки долгое время носились без дужек, несовершенство линз при коррекции дальновзоркости или тот факт, что ему пришлось прибегнуть к инструменту в связи с неумолимым возрастом².

Петрарка родился в 1304-м: год спустя Джордано да Пиза во время проповеди в Санта-Мария-Новелла во Флоренции с энтузиазмом объявил о недавнем чудесном изобретении:

Еще не прошло и двадцати лет с тех пор, как было открыто искусство создавать очки, позволяющие хорошо видеть, что стало одним из лучших и самых необходимых ремесел в мире, так мало потребовалось: новейшее умение, которого никогда прежде не было. И сказал чтец: я видел того, кто первый изобрел его и создал, и разговаривал с ним³.

Очевидно, что радость ученого доминиканца разделили собратья и все те, кто зависел от книг: с новым изобретением больше не было необходимости прерывать всякую деятельность с приходом возраста.

Проповеди Джордано собраны для нас в достоверных сборниках, где переданы в точности, как были услышаны. Намеревался ли в этом случае благочестивый переписчик добавить уточнение фразой «И сказал чтец...» (от *lector* – преподаватель, богослов), указывая в качестве свидетеля изобретателя Джордано на лектора во Флоренции или, наоборот, на своего ученого

---

¹ *Petrarca F. Prose / Ed. G. Martellotti, P. G. Ricci, E. Carrara, E. Bianchi. Milano – Napoli: Ricciardi editore, 1955. С латинским текстом на лицевой стороне. P. 2–3, Posteritati: «Forma non glorior excellenti, sed que placere viridioribus annis esset: colore vivido inter candidum et subnigrum, vivacibus oculis et visu per longum tempus acerrimo, qui preter spem supra sexagesimum etatis annum me destituit, ut indignanti michi ad ocularium confugiendum esset auxilium».*

² Надо полагать, что магистр Флорентий, которому мы обязаны, например, «Второй Леонской Библией», завершённой в 960 году, посчитал бы Петрарку поистине неблагодарным по отношению к тем, кто снабдил его столь хорошим средством, достаточно прочитав эти грустные размышления: «...как же утомительно и тягостно писать! Затемняет глаза, гнет спину, скручивает живот и ребра, ломит поясницу и наполняет все тело тяжестью»: не случайно потеря зрения стояла на первом месте в списке причин нетрудоспособности. О магистре Флорентии: *Cahn W. La bible romaine. Fribourg (Svizzera): Office du Livre, 1982. P. 66; Klapisich-Zuber Ch. L'ombre des ancêtres, essai sur l'imaginaire médiéval de la parenté. Paris: Fayard, 2000. P. 82* (откуда взят процитированный отрывок): «*Nam si velis scire singulatim, nuntio tibi quam grave est scribere pondus. Oculis caliginem facit, dorsum incorbat, costas et ventrem frangit, renibus dolorem immittit et omne corpus fascidium nutrit*».

³ *Da Pisa G. Quaresimale fiorentino 1305–1306 / Edizione critica a cura di C. Delcorno. Firenze: Sansoni, 1974. Predica XV (23 febbraio 1305). P. 75.*

товарища, присутствовавшего во время проповеди?⁴ Это вовсе не праздный вопрос, поскольку, как увидим, его будут использовать в споре о личности и родине изобретателя.

Другой доминиканец, который, как и Джордано, жил в монастыре Святой Катарини в Пизе, научился изготавливать очки: Алессандро делла Спина, умерший в 1313 году. В некрологе из «Древней летописи» (*Chronica antiqua*) упомянутого монастыря, говорится:

Брат Алессандро делла Спина, хороший и скромный человек, умел переделывать все, что видел (*quae vidit oculis facta, scivit et facere*). Он сам изготовил очки, которые кто-то придумал раньше, однако не захотел поделиться секретом. Алессандро же, напротив, был рад и готов научить всех, как смастерить очки⁵.

Здесь мы должны на мгновение остановиться, потому что слова Джордано из «Древней летописи», тщательно отобранные двумя недобросовестными учеными XVII века, зачастую ловко искаженные, спровоцировали такую вереницу гипотез и догадок о возможном изобретателе очков, частично все еще признаваемых учеными первой половины XX века и современности⁶, что необходимо в этом разобраться. Нас поведет работа Эдварда Розена⁷, который проследил всю запутанную историю, разрушив как намеренную ложь, так и, не без некоторого дотошного удовольствия, нагромождения невольных ошибок и небрежностей, которые как по цепочке перешли от XVII века в наше время.

Первым, кто упомянул Алессандро делла Спина и «Древнюю летопись» монастыря Святой Катарини, был литератор и ученый Карло Роберто Дати (1619–1676), последователь Галилея. В тексте под названием «Изобретение очков, древнее или нет. Когда, где и кем они были изобретены? Бдение» (*Invenzione degli occhiali, se sia antica o no; e quando, dove, e da chi fossero inventati? Veglia*), посвященном Франческо Реди⁸, Дати разыгрывает ситуацию, в которой воображаемый собеседник вспоминает, будто «в молодости он отправился в Пизу, чтобы изучать право, скорее по настоянию других, нежели по своему хотению» и охотно проводил время в библиотеке, изучая рукописи. Среди них он цитирует отрывок из нашей «Летописи», но со значительным отличием: Алессандро делла Спина немедленно изучал «все, о чем слышал или что изготовленное мог увидеть», и продолжал: «Так случилось, что некто стал первым изобретателем очков, но не захотел поделиться с другими своим изобретением, тогда он изготовил очки для себя и, будучи сердобольным человеком, поделился ими со всеми». Таким образом, добрый брат не ограничился копированием предмета у него перед глазами, а стал своего рода настоящим изобретателем или, по крайней мере, переизобретателем, потому что сумел создать новый инструмент на основе простого рассказа. Воображаемый собеседник предполагает, что

⁴ «И сказал брат Джордано: “Один из тех крещеных [евреев] был моим собратом, и я несколько раз ходил с ним, он был образованным человеком и чтецом из Неаполя»: [Giordano da Pisa], *Prediche del beato Giordano da Rivalto / A cura di D. Moreni*. Firenze: Magheri, 1831. Vol. II. P. 231. Predica LX (9 novembre 1304 a Firenze). У меня возникли сомнения, поскольку мне не приходилось читать проповеди Джордано, в которых он упоминался как чтец. Эдвард Розен, наоборот, уверен в личности Джордано-чтеца, но не приводит ни одного примера в подтверждение своего тезиса: *The invention of eyeglasses // Journal of the History of Medicine and allied Sciences*. XI. 1. 1956. P. 13–47. P. 31–34.

⁵ *Chronica antiqua conventus Sanctae Catharinae de Pisis / A cura di F. Bonaini // Archivio Storico Italiano*. VI. Pt. 2. Sez. III. 1845. P. 399–593. P. 476: *Frater Alexander de Spina, vir modestus et bonus, quae vidit oculis facta, scivit et facere. Ocularia ab aliquo primo facta, communicare nolente, ipse fecit, et omnibus communicavit corde hilari et volente*. Похвала продолжается так: *Cantare, scribere, miniare, et omnia scivit quae manus mechanicae valent. Ingeniosus in chorporalibus [Бонаини по ошибке написал choralibus] in domo Regis aeterni fecit suo ingenio mansionem*. Исправление принадлежит Розену. *The invention of eyeglasses*. Cit. Pt. II. P. 183–218. P. 210. «Хронику» начал писать доминиканец Варфоломей из Сан-Конкордио, умерший в 1347 году, а затем продолжили его собратья: *Rosen*. *The invention of eyeglasses*. Cit. P. 20.

⁶ *Gilson M. Histoire des lunettes // Bulletin de la Société Belge d’Ophthalmologie*. CCLXIV. 1997/1. P. 7–13. P. 7.

⁷ К сожалению, Розен писал для англоязычной публики и никогда не приводил оригинальные отрывки на итальянском или латинском.

⁸ Об отрывке: *Targioni Tozzetti G. Notizie degli aggrandimenti delle scienze fisiche accadute in Toscana nel corso di anni LX del secolo XVII*. Firenze: G. Bouchard, 1780. Vol. II. P. 49–62. Pubblicazione nr. XI. P. 59.

автор изобретения самый настоящий пизанец, не преминув отметить, что и Алессандро делла Спина тоже происходит из пизанской семьи: таким образом, Пиза может похвастаться званием родины изобретателя.

Дати лично не видел рукопись из монастыря Святой Катарины, но опирался на копию своего друга Франческо Реди, знаменитого ученого и писателя, который 26 февраля 1674 года передал ему намеренно измененный отрывок. Действительно, Реди заменил фразу «умел произвести любую вещь, которую увидел» (*quae vidit oculis facta, scivit et facere*) на «умел произвести любую вещь, которую увидел или описание которой слышал» (*quaecumque vidit aut audivit facta scivit et facere*)⁹, чтобы воздать больше почестей Алессандро делла Спина, способному видеть мысленным взором. Реди не был новичком в фальсификации информации и, конечно, испытал большое удовольствие, запутывая посредством друга весь круг ученых¹⁰.

Однако и сам Дати не столь безвиновен, поскольку умышленно опустил сообщение, полученное в предыдущем письме Реди от 8 ноября 1673-го, в котором хотя он и утверждает, что цитирует из «Древней летописи» (в то время как копирует из «Хроник монастыря Святой Катарины из Пизы, ордена проповедников» (*Annales conventus Sanctae Catharinae de Pisis ordinis praedicatorum*)¹¹), но ясно указал, что Алессандро делла Спина воспроизвел очки, потому что никто его этому не учил: он просто увидел один экземпляр, тем самым проигнорировав волю первого анонимного изобретателя, не пожелавшего сообщить свой секрет¹².

Зачем нужна была эта недомолвка? Потому что Дати, знакомый со времен молодости с Галилео Галилеем и активно им восхищавшийся, несмотря на осуждение инквизицией, хотел создать в своем сочинении многообещающую аналогию, чтобы достойно оттенить рассказ об изобретении телескопа великим астрономом¹³. Действительно, в «Бдении» упоминается, будто Галилей, узнав, что графу Морицу Оранскому преподнесли в дар телескоп, без чьей-либо помощи («и ничего больше») смог «на основе этого простейшего описания»¹⁴ изготовить инструмент точно так же, как и Спина, которому не потребовался образец.

После смерти Дати в 1676 году Реди опубликовал свое «Письмо об изобретении очков» (*Lettera intorno all'invenzione degli occhiali*), где продолжил сравнение Спина – Галилей и, естественно, привел измененный отрывок из «Летописи»¹⁵. Но на этом он не остановился. Он снова принимается за работу и умышленно опускает следующее: сообщая об отрывке из проповедей Джордано да Пиза об изобретении очков, он обрезает фразу: «И сказал чтец: я видел того, кто первый изобрел его и создал, и разговаривал с ним». Однако же Реди цитирует рукопись проповедей Джордано, принадлежавшую в то время Филиппо Пандольфини, лингвисту и исследователю Данте, в которой фраза как раз присутствует¹⁶. Но Реди с помощью ряда вольно взятых отрывков приходит к выводу, что именно Алессандро делла Спина – *frater Pisanus* (хотя Пиза никогда не была его родным городом¹⁷) – был изобретателем очков; но в

⁹ *Redi F. Opere. Milano: Società Tipografica de' Classici italiani, 1809–1811 // Classici italiani. Voll. 169–177. Vol. VII. P. 254.*

¹⁰ О поразительном списке фальсификаций Реди: *Rosen. The invention of eyeglasses. Cit. P. 16.*

¹¹ Были составлены в середине XVI века безымянным монахом, который расширил «Хронику». Там же. P. 20.

¹² *Frater Alexander Spina manibus suis quidquid voluisset operabatur, ac charitate victus aliis communicabat. Unde, cum tempore illo quidam vitrea specilla, quae ocularia vulgus vocat, primus adinvenisset, pulchro sane, utili ac novo invento, neminique vellet artem ipsam conficiendi communicare, hic bonus vir artifex, illis visis, statim nullo docente didicit, et alios qui scire voluerunt docuit. Canebat modulate, scribebat eleganter, et descriptos libros picturis, quas minia appellant, ornabat. Nullam prorsus manualium artium ignoravit. Bonaini. Chronica. Cit. P. 477; Redi. Opere. Cit. Vol. V. P. 82–83.*

¹³ Как справедливо предполагает Розен: *Rosen. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 24–25.*

¹⁴ *Targioni Tozzetti. Notizie. Op. cit. P. 51.*

¹⁵ *Rosen. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 25; Redi. Opere. Op. cit. Vol. II. P. 260.*

¹⁶ Речь идет о том же самом Пандольфини, о котором писал Дати в «Бдении», как раз чтобы он рассказал новость о проповеди доминиканца.

¹⁷ *Rosen. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 194.*

этом случае «чтец», кем бы он ни был, самим Джордано или его собратом, не преминул бы заявить об этом, поэтому лучше убрать это неудобное замечание.

Однако искушение облечь в плоть и кровь и найти родину подобного благодетеля было непреодолимым, и тогда ярый патриот-флорентиец Фердинандо Леопольдо дель Мильоре в 1684 году, намекнув, что Алессандро делла Спина может быть (почему бы и нет?) его соотечественником, наконец вывел из безвестности настоящего первого изобретателя, могилу которого он обнаружил во Флоренции в Санта-Мария-Маджоре: речь шла о благородном Сальвино дельи Арматти. Но дадим слово самому автору: он прочитал в принадлежащей ему «Книге древних захоронений» (*Sepoltuario antico*) (никто никогда не видел эту рукопись), что

...одно из воспоминаний было уничтожено во время реставрации церкви, однако оно было целиком записано в нашей «Книге древних захоронений», тем более значимое, что благодаря ему мы узнали о первом изобретателе очков, соотечественнике благородного происхождения, столь высоко одаренного во всех сферах, требующих остроты ума... Это был мессир Сальвино дельи Арматти, сын Арматто, знатного происхождения. <...> Виднелась фигура этого человека, облаченная в мирское платье, распростертая на плите, вокруг которой были выбиты буквы: + QUI DIACE SALVINO D'ARMATO DEGL'ARMATI DI FIR. INVENTOR DEGL'OCCHIALI. DIO GLI PERDONI LA PECCATA. ANNO D. MCCCXVII¹⁸. Это тот самый некто, напрямую не упомянутый в «Древней летописи», рукописи монастыря отцов доминиканцев в Пизе, городе Франческо Реди... где можно прочитать о том, что брат Алессандро делла Спина, живший в то же время и бывший, возможно, флорентийцем, а не пизанцем, пытался научиться изготавливать очки у некоего человека, не желавшего его учить, и тому пришлось выучиться самостоятельно¹⁹.

Как поступил сообразительный ученый? Заметив, что в доминиканской пизанской «Летописи» нет имени изобретателя, он обратился к достоверной флорентийской «Книге захоронений» Стефано Росселли, где упоминается некий Сальвино дельи Арматти среди прихожан Санта-Мария-Маджоре, где находилось их семейное жилище (в то время как гробница располагалась в Санта-Мария-Новелла). Настоящий Сальвино из «Книги захоронений» Росселли уходит в мир иной около 1340 года: в эпитафии же он умирает в 1317-м, потому что дата должна подтверждать гипотезу Реди, согласно которой первые очки появились между 1280 и 1311 годами²⁰.

Род Арматти хорошо подходил целям Фердинандо Леопольдо дель Мильоре, поскольку уже пресекался и никто не мог проследить его генеалогию²¹. Кроме того, вследствие серии постоянных реконструкций Санта-Мария-Маджоре понесла значительные потери, поэтому исчезновение надгробного памятника было весьма правдоподобно. С другой стороны, все сведения о Сальвино были подтверждены из достовернейшего документа. Он хранился у ревностного открывателя Сальвино, который действительно так никогда и не решился показать кому-нибудь эту рукопись!

Однако патриотично настроенный фальсификатор показал себя посредственным филологом и допустил ошибки в эпитафии избранного героя: использовал слово *inventor*, неизвест-

---

¹⁸ Здесь покоится Сальвино, сын Арматто из семьи Арматти, уроженец Флоренции. Изобретатель очков. Да простит ему Господь его грехи. Год 1317 от Рождества Христова. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

¹⁹ *Del Lungo Isidoro. Le vicende d'un'impostura erudita (Salvino degli Armati) // Archivio Storico Italiano. LXXVIII. 1920. P. 5–53. P. 14 (откуда взят отрывок).*

²⁰ *Del Lungo. Le vicende. Op. cit. P. 17 sgg.*

²¹ *Rosen. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 187 sgg., восстановил генеалогическое древо семьи.*

ное в начале XIV века, и, чтобы придать налет старины языку, изобрел причудливое *la rescata* вместо правильного *le rescata*²².

Несмотря на все эти сложности, наш Сальвино оказался довольно жизнеспособным и благодаря вниманию ученых XVIII века «дожил» в полном расцвете до следующего века. В 1841 году по случаю важного конгресса он даже обрел свое лицо: его портрет (на самом деле античный бюст), дополненный мемориальной доской с известной эпитафией, расположился во внутреннем монастырском дворе Санта-Мария-Маджоре во Флоренции, где и оставался, по крайней мере, до 1891-го, когда «Алилари», знаменитая фирма, специализирующаяся на репродукциях произведений искусства, его запечатлела. Через некоторое время двор освободили, чтобы построить там школу. Как ее назвать? Естественно, школа Сальвино дель Армати! Сколько же школьников их учителя призывали восхищаться изобретателем очков, сколько сочинений было написано о флорентийском величии!²³

Тем временем по мере расширения здания бюст и мемориальная доска перемещались внутрь церкви, в капеллу Орландини дель Беккуто: мемориальная доска была заменена современной (*la rescata* заменена на *le rescata*). Бюст, поставленный на высокую полку, наблюдал сам за собой (первые слова доски: «Здесь покоится...» заставляли посетителя погрузиться в раздумья): мраморный покойник работы XV века (подлинный дель Беккуто, о чем свидетельствует герб на груди), закрывающий гробницу с указанием даты – 1272 год. Саркофаг был перенесен из внутреннего двора, его поменяли, чтобы он соответствовал лежащей на нем крышке, которую, в свою очередь, взяли со ступеньки алтаря капеллы²⁴.

Судьба Сальвино завершилась около 1925 года, когда школа сменила свое название, возможно, из-за длинной статьи Исидоро дель Лунго, который за пять лет до этого напечатал со страстным негодованием и особой проницательностью «Историю ученого обмана»²⁵. Бедный Сальвино, таким образом, исчез, но ни один из многих кандидатов, которых время от времени предлагают на его место, не выдержал критики; посему мы вынуждены воздавать должное безымянному изобретателю.

Разумеется, в Венеции, крупном центре производства стекла, уже в конце XIII века очки стали предметом повседневного использования, этот вывод можно сделать исходя из предписания от 2 апреля 1300 года, которое напоминало мастерам по стеклу и хрусталу о наказании за подделки, которые, по-видимому, практиковались уже давно: нельзя «покупать или заставлять приобретать, продавать или заставлять продавать бесцветные стеклянные линзы, уверяя, что они хрустальные, как, например, пуговицы, ручки, диски для барабанов и для глаз (*roidi de botacelis et da ogli*), доски для алтарной живописи и распятий и увеличительные линзы (*lapides ad legendum*)»²⁶; был предусмотрен штраф и конфискация и уничтожение предмета. Тот факт, что очки четко отличают от увеличительных линз, убеждает нас в том, что речь идет именно об указанных предметах, и, поскольку слова хранят в себе свое прошлое, как окаменелости в янтаре, вспомним, что слово *Brille*, «очки» на немецком, происходит от *berillum* – так в Средние века обозначали хрусталь.

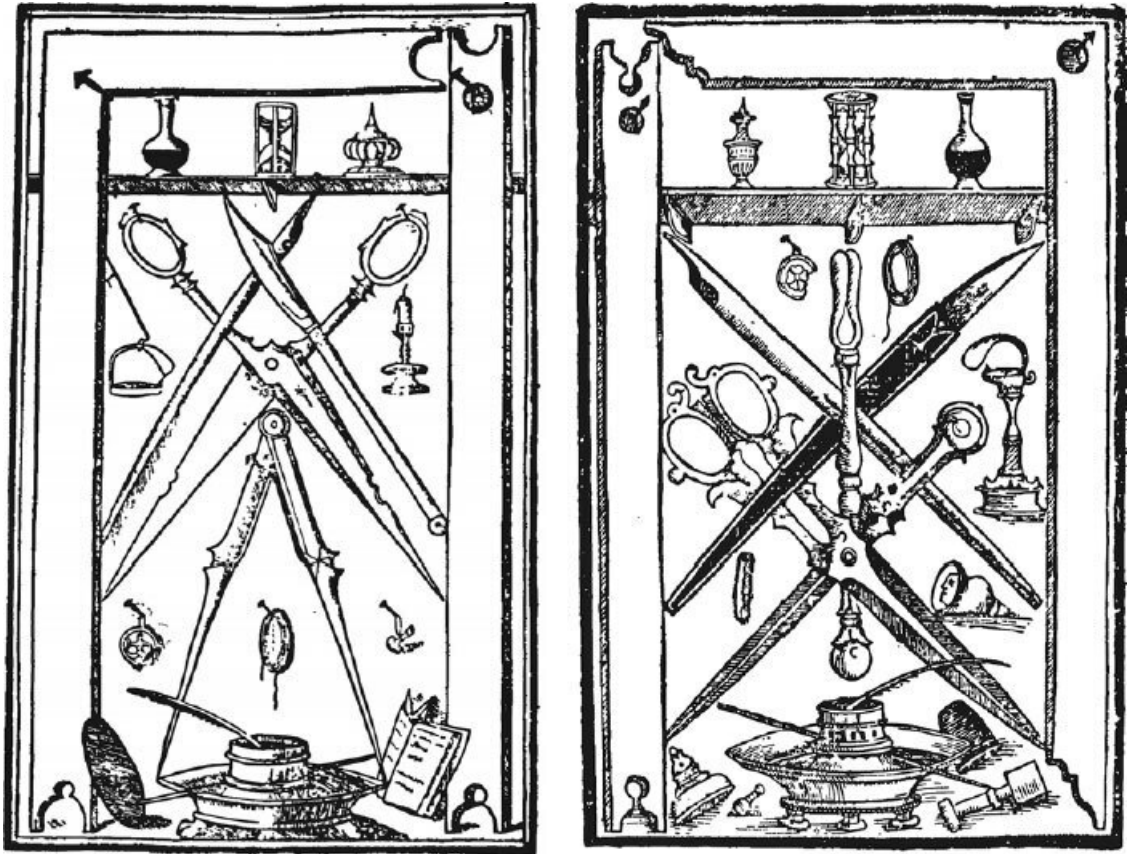
²² *Del Lungo*. Le vicende. Op. cit. P. 20; *Rosen*. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 192.

²³ *Albertotti G*. Note critiche e bibliografiche riguardanti la storia degli occhiali // *Annali di Ottalmologia e clinica oculistica*. XLIII. 1914. P. 328–356. P. 341 sgg.

²⁴ *Del Lungo*. Le vicende. Op. cit. P. 43–50. На с. 46 гравюра с памятников внутри церкви Санта-Мария-Маджоре. Сегодня портрет и эпитафия исчезли, но остался саркофаг.

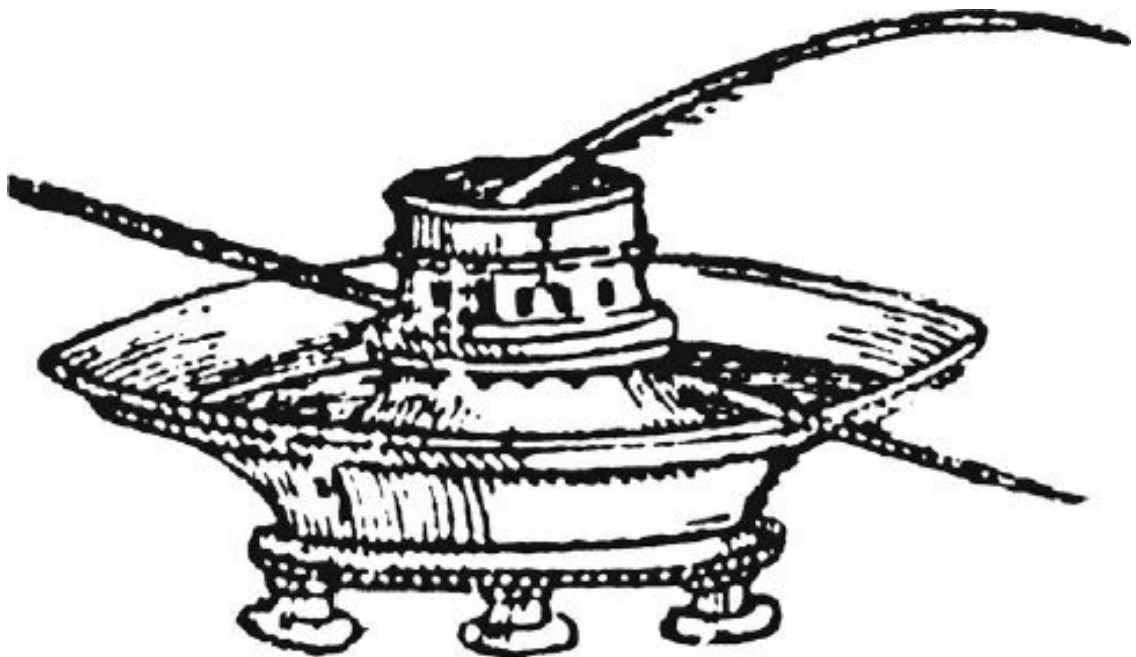
²⁵ *Rosen*. The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 196.

²⁶ «MCCC, indicione XIII, die secundo aprilis, nos Raphael Natalis et Johannes De Fontana iusticiarii veteres ordinamus quod aliquis de dicta arte cristalarie non audeat emere nec emi facere, nec vendere nec vendi facere aliquid laborerium de vitreo blanco quod contrafaciat ad cristallum scilicet botoni, manici, roidi de botacelis et da ogli, tabule de anconis et de crucibus, et lapides ad legendum, sub pena librarum X et perdat laborerium et frangatur»: *I capitolarie delle Arti Veneziane / A cura di G. Monticolo e E. Besta*. Vol. III. Roma: Istituto Storico Italiano per il Medio Evo (Fonti della Storia d'Italia), 1914. P. 133.

Слева. Инструменты писца, рисунок, из «Книги М. Джованбаттисты Палатино, римского гражданина, в которой он учит писать всякого рода древние и современные буквы». Roma: Campo del Fiore. Antonio Blodo asolano, MDXLV

Справа. Инструменты писца, рисунок, из «Настоящей книги, которая учит вас истинному искусству превосходного написания различных букв. Произведение Тальенте. Напечатано в Винедеже Пьетро ди Николлини де Саббио <...> MDXXXVII»

Следует подчеркнуть, что очки действительно были великим изобретением: увеличительные линзы, вогнутые или выпуклые, позволяли дальнорядному видеть, потому что все увеличивалось в размерах; двояковыпуклые линзы очков, наоборот, восполняли недостаточную выпуклость хрусталика дальнорядного человека и позволяли четко видеть предметы в их реальных размерах; если можно так выразиться, очки становились единым целым с глазом, линзы – с предметом²⁷.

Чтобы улучшить восприятие, еще до применения линз, со времен Античности люди прибегали к использованию зеркал, догадываясь, что, будучи вогнутым, оно отражает увеличенное изображение, хотя и перевернутое. Поэтому, чтобы прочитать страницу, нужно было потренироваться, упражнение, по сути дела, довольно простое, обычное для граверов, а когда-то и для типографов²⁸. В конце концов, Леонардо да Винчи писал в обратном порядке, и его записи можно прочитать с помощью зеркала. Зеркало из-за своей простоты выжило рядом с линзами и очками: в «Книге М. Джованбаттисты Палатино, римского гражданина, в которой он учит писать всякого рода древние и современные буквы» (*Libro di M. Giovambattista Palatino, cittadino Romano, nel qual s'insegna a scriver ogni sorte di lettere antica et moderna*)²⁹ от 1545 года в комментарии к изображению, где собраны все инструменты писца, объясняется:

Циркуль, угольник, линейка, линовальщик на одну и две линии, зажим для удержания прозрачной фальшивой линии под листом служат для размеренного и равного написания и чтобы останавливать руку, как было сказано в начале. Ножницы, шнур, печать и т. д. – нет необходимости пояснять, и так понятно, для чего они нужны. Зеркало служит для сохранения зрения и укрепления его во время непрерывного писания. Гораздо лучше то, что сделано из стекла, а не из стали. Стилус, предназначенный для чернилницы, многими используется, когда они усердно пишут, чтобы держать бумагу под пером, дабы она не вздымалась от дыхания³⁰.

Относительно производства зеркал не следует забывать, что на Западе именно венецианцы стали первыми, кто покрывал стекло тонким слоем свинца, подражая технике, вероятно, усвоенной у византийцев³¹: «свинцовое стекло» упоминается у Данте в «Божественной комедии» (Ад, XXIII, 25) и в других отрывках его произведений³².

²⁷ *Albertotti G.* Lettera intorno alla invenzione degli occhiali all'onorevole senatore Isidoro Del Lungo // *Annali di Ottalmologia e clinica oculistica*. L. 1922. Fasc. 1–2. P. 85–104. P. 92. Я все время уточняю, что линзы предназначены для коррекции дальнорядности, потому что линзы для близорядности появились только в XVI веке, а для астигматизма лишь в XIX веке. *Gilson*. *Histoire*. Op. cit. P. 8.

²⁸ *Albertotti*. Lettera. Op. cit. P. 88.

²⁹ Roma: Campo di Fiore. Antonio Blodo asolano MDXLV.

³⁰ *Albertotti*. Lettera. Cit. P. 88. Fig. 1. P. 89. Fig. 2. Зеркало для письма появляется также на картине Тальенте (*Lo presente libro insegna la vera arte del Eccellente scrivere de diverse varie sorti di lettere <...> Opera del Tagliente <...> stampata in Vinegia per Pietro di Nicolini de Sabbio <...> MDXXXVII*), воспроизведенной *Albertotti* на илл. 4. на р. 91; лучшая репродукция в *Massena Essling*. *V. Livres à figures venitiens*. Paris: Olschki-H. Leclerc, 1909. Vol. II. P. 455. Уже в XVII веке изобретение очков приписывали английскому философу Роджеру Бэкону (1214–1292). В действительности, опираясь на труды араба Ибн аль-Хайсама, он утверждал, что старые и слабые могут воспользоваться надлежащим образом отшлифованными стеклами, но он всегда имел в виду увеличительные стекла, не намереваясь носить их на носу: *Rosen*. *The invention of eyeglasses*. Op. cit. P. 197–199; *Gimpel J.* *La révolution industrielle du Moyen Age*. Paris: Seuil, 1975. P. 176.

³¹ На фреске, нарисованной Томмазо да Модена в Тревизо в монастыре Сан-Николо, доминиканец Иснардо из Виченцы изображен за столом, заваленным книгами. В одной нише видна своего рода дарохранильница, в которой содержится не гостия, а зеркало, рядом с чернилницей и пером, уже испачканным чернилами. По мнению Франца Даксекера (*Daxecker F.* *Three reading aids painted by Tomaso da Modena in the chapter house of San Nicolò Monastery in Treviso, Italy* // *Documenta Ophthalmologica*. XCIX. 1999, no 2000. P. 219–23. P. 220 и илл. 3), речь идет об увеличительном стекле, поскольку зеркало было бы немислимо в келье монаха. Сердечно благодарю Франца Даксекера за то, что свободно предоставил в мое распоряжение очень редкие выписки и фотографии.

³² Список в *Enciclopedia Dantesca*. Roma: Treccani-Enciclopedia Italiana, 1984. S.v. specchio.

Нарисованные очки

Изобретатель очков, вероятно, был светским человеком. Вынужденный полагаться на собственную работу, он намеревался извлечь хорошую выгоду из изобретения, поэтому и пытался сохранить его в секрете. Даже в 1445 году в одном любопытном акте, заключенном в Пизе между тремя ювелирами в присутствии нотариуса Франческо да Геццано, предписано сохранить все в тайне. Симоне, сын покойного Антонио Неруччи, обязался научить двух своих коллег, которые затем внесли бы свой вклад в предприятие, ремеслу изготовления очков из стекла и кости, обеспечив их также необходимым оборудованием. Неруччи на время действия соглашения (четыре с половиной года) не должен был обучать других учеников изготовлению очков, но и его товарищи в свою очередь обязались не выдавать секрета, наставляя учеников и будущих конкурентов: договор был торжественно утвержден клятвой на Евангелии. Мастерство, необходимое для создания очков, должно быть, считалось поистине необыкновенным; чтобы подчеркнуть не только технические навыки, нотариус упоминает также и знания алхимии: «Они объединились в предприятие, чтобы производить и создавать (используя также и алхимические знания) так называемые очки»³³.

Алессандро делла Спина же, проживая в монастыре, был избавлен от проблем с содержанием и пропитанием; возможно, поэтому, помимо своей природной щедрости, он был готов великодушно делиться своими способностями («будучи сердобольным человеком, поделился ими со всеми»). В той же среде доминиканцев мы находим самое древнее изображение очков.

Недавно один франкоязычный ученый посягнул на подобное первенство, представив предполагаемую миниатюру конца XIII века (кажется, мы вновь вернулись к ученым диспутам прошлого!). Внутри заглавной буквы D (*Dilexi*) четыре монаха намерены совершить обряд погребения перед одной могилой. В открытой рукописи, прислоненной к большому аналою, действительно видно начало молитвы: *Requiem aeternam dona eis Domine*. Самый старый, рассеянный очкарик (у его пенсне довольно сильные линзы!) не вторит хоровому пению своих товарищей и, кажется, хочет привлечь внимание к себе, повернув голову к зрителю³⁴. Однако в действительности это миниатюра середины XIV века³⁵; спор оканчивается ничьей, и мы снова возвращаемся в Италию.

Доминиканцы сделали из культуры основу своей религиозной жизни, чтобы быть в состоянии эффективно бороться с ересями в доктринальном плане и в публичных диспутах: таким образом, этим людям профессионально требовались те самые *vitreos ab oculis ad legendum*. В Тревизо, в монастыре Сан-Никколо (сейчас архиепископская семинария) Томмазо да Модена изобразил в 1352 году сорок выдающихся проповедников в сопровождении пояс-

---

³³ Firmaverunt inter se ad invicem societatem ad faciendum, construendum et archimiandum dicta occhialia. Замечание от Микеле Луццати, на чьи расшифровку полного документа и тонкий и точный анализ я ссылаюсь: *Luzzati M. Una società per la fabbricazione di occhiali alla metà del Quattrocento // Antichità Pisane. 1974. 1. P. 40–45.*

³⁴ *Gilson. Histoire. Op. cit. P. 7.* Первым нашу миниатюру (отмеченную библиотекарем того времени месяцем Газье) опубликовал, правильно ее датируя серединой XIV века, *Bidault R. Deux miniatures du Moyen-Age intéressant l'ophtalmologie // Aesculape. IV. 1937. P. 117–119.* Короткое сообщение, не добавляющее ничего нового на этот счет, в *Park D. The Fire within the Eye. An Historical Essay of the Nature and Meaning of Light. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 124–125.*

³⁵ Рукопись 140 Городской библиотеки Безансона составная. Первая часть (л. 1–189) – это Псалтырь, который использовался в Ангулемской епархии в конце XIII века. Вторая часть (л. 190–229) – фрагмент Часослова середины XIV века, возможно, из Пикардии: включает в себя Поминальную службу (л. 190–207), покаянные псалмы (л. 208–212), литании (л. 212v–217) и различные молитвы на французском. Наконец, третья часть (л. 230–238) начала XV века содержит различные молитвы на латыни. Неизвестно, когда рукопись была скреплена; в начале XVI века она принадлежала семье Лёнье, правителей Шалезёли, рядом с Безансоном, затем в XVIII веке перешла в капуцинский монастырь в Безансоне; после Революции была конфискована и отдана в Городскую библиотеку. Лист, на котором изображена миниатюра (л. 190), таким образом, относится к середине XIV века. За эту информацию и библиографические сведения я благодарю мадам Мари-Клер Вай из Городской библиотеки Безансона.

нительных надписей: каждый в своей келье сидит за письменным столом, занятый размышлениями, чтением, сочинением или переписыванием³⁶. Среди этих ученых присутствуют кардинал Николай Руанский с лупой для чтения в руке, предшественницей очков³⁷, чтобы разобрать страницу, и кардинал Гуго де Сен-Шер с очками, прижатыми к носу³⁸. В середине XIV века существовала прямая ассоциация между доминиканцами, книгами и их аксессуарами, в том числе очками.

По замыслу святого Франциска его братья должны были, наоборот, жить без постоянного жилища, кормясь собственным трудом, бедняки среди бедняков, не посвящая себя обучению «науке, что напускает на человека важность»³⁹. Однако уже с вступлением в орден Святого Антония Падуанского они отказались и от изначального намерения оставаться такими, как обозначил Франциск, – *ignotans* и *idiotas*⁴⁰. В XV веке об этом не осталось даже и воспоминаний: это подтвердит францисканец в одежде из мягкой и обильно драпированной ткани, изображенный привольно в красивой, светлой и наполненной предметами комнате, которая вполне могла бы подойти и зажиточному прелату. На рукописи, которую переписывает наш брат, лежит кусок свинца, чтобы страница не сворачивалась, а на письменном столе расположены, помимо скребка и переносной чернильницы, очки в красной оправе⁴¹.

Во время путешествия очки в специальном футляре носят подвешенными к поясу; знаменитейший францисканский проповедник Бернардин Сиенский показывает, как они привязаны к веревочному поясу, на алтарной картине, нарисованной Конрадом Лайбом между 1460 и 1465 годами⁴². И наоборот, необходимо всегда держать их на носу в случае Леонарда Вагнера, который в свое время слыл «восьмым чудом света», поскольку умел писать ста различными каллиграфическими способами, даже не имея перед собой образца: на этой миниатюре начала XVI века мы видим его за работой в обществе художника Николауса Бертски и его жены⁴³.

Даже Блаженному Августину понадобились очки из-за переутомления зрения: так полагает Джованни ди Паоло, который изобразил его в начале XV века погруженным в созерцание святого Иеронима. По мнению знаменитого доминиканского проповедника Иакова Ворагинского, святой Ремигий сказал об Августине: «... хотя святой Иероним говорит, что прочитал шесть тысяч книг Оригена, тот на самом деле написал столько, что никто не сможет не только написать столько, занимаясь днем и ночью, но даже и прочитать не в состоянии»⁴⁴. Августин на нашей картине не нуждается в помощи, чтобы отчетливо разглядеть необыкновенное явление

³⁶ *Da Modena T.* Catalogo a cura di L. Menegazzi. Treviso: Ed. Canova, 1979. P. 115. илл. 120 и картина IV.

³⁷ Похожую линзу с рукояткой держит изваяние Гиппократов «в ротонде святого Маврикия Констанцского кафедрального собора, которая относится к 1270 году»: так сообщает Даксекер (цит. по: *Daxecker.* Three reading. P. 219), что отсылает к: *Mühl G. e Roos W.* Jahrhunderte Brille // *Deutsches Museum. Abhandlungen und Berichte.* München. XXXVI. 1968. P. 8; *Münchow W.* Geschichte der Brille in *Der Augenarzt.* Vol. VII. Berlin: Karl Velhagen, 1966. P. 475–540. P. 481. Я не смогла свериться с двумя последними произведениями, поэтому не могу оценить сведения.

³⁸ По мнению Розена (*Rosen.* The invention of eyeglasses. Op. cit. P. 205), речь идет о Гуго де Сен-Шере (Hugues de Saint-Cher). Гуго был известным богословом, умершим в 1263 году: поэтому уверенности в том, что показанное изобретение уже настолько распространилось, нет, учитывая, что очки были созданы несколько десятилетий спустя. В этом случае художник допустил анахронизм.

³⁹ *Scripta Leonis, Rufini et Angeli sociorum s. Francisci* / Ed. e trad. ingl. di R. B. Brooke. Oxford: Clarendon Press, 1970. Nr. 72. P. 214–215.

⁴⁰ *Sancti Patris Francisci Assisiensis Opuscula* / A cura di K. Esser. Grottaferrata, Roma: Coll. S. Bonaventurae, 1978. Epistola toti ordini missa. P. 146–147.

⁴¹ *Farinelli L.* Dalla biblioteca conventuale alla biblioteca pubblica // *La città e la parola scritta* / A cura di G. Pugliese Carratelli. Milano: Libri Scheiwiller-Credito Italiano, 1997. P. 289–374.

⁴² *Daxecker F.* Representations of Eyeglasses on Gothic Winged Altars in Austria // *Documenta Ophthalmologica.* XCIII. 1997. P. 169–188. P. 171–172, fig. 5.

⁴³ *Trost V.* Skriptorium. Die Buchherstellung im Mittelalter. Stuttgart: Belser Verlag, 1991. P. 7.

⁴⁴ *Da Varazze. I.* Legenda aurea, presentazioni di F. Cardini e M. Martelli // *Testo [volgarizzamento trecentesco] e note* a cura di A. Levasti. Firenze: Le Lettere, 2000. Vol. II. P. 121 e fig. a p. 118.

ние, поскольку видит мысленным взором⁴⁵; очки, прислоненные к чернильнице, понадобятся, когда он вернется к своим излюбленным занятиям, среди которых многочисленные рукописи, разбросанные то тут, то там по столу, на полках, внутри шкафов и кладовых, предусмотрительно открытых, к удовольствию зрителя. Заметим вскользь, что художник, избавившись от любых сдерживающих препятствий, таких как анахронизм, не только сделал Иеронима, святого пустычника и переводчика Библии на латинский, кардиналом, но также и нарядил его в ярко-красные шапочку и одежду, подобающие этому статусу, которые начали носить только с середины XIV века⁴⁶.

Если учитель Церкви использовал очки, то почему бы их не надеть на евангелиста, например Луку, который записывает Евангелие? На миниатюре 1400 года в миссале из Шалон-ан-Шампань (Франция) художника, вероятно, из Труа мы видим в центре внутри ромба Христа на троне⁴⁷; в четырех углах сидят евангелисты, каждый со своим говорящим символом. Трое сосредоточены на том, чтобы написать свое имя на свитке, развернутом на коленях; Лука удостоен особого внимания, потому что у него регулируемый письменный стол, две чернильницы и сосуд для краски, готовый к использованию: он пишет с помощью пера и скребка на двойном листе пергамента, на котором лежит лупа. Поскольку по легенде Лука еще и художник, миниатюрист миссала, привыкший напрягать свое зрение, рассматривает евангелиста как коллегу, вручив ему характерную пару очков, которые складываются по оси с функцией перемычки на носу.

---

⁴⁵ В этой связи мне кажется интересным сопоставить датский полдукат 1647 года, где под парой очков надпись: *Vide mira Domini* («Созерцаю чудеса Господни»); репродукция: *Gilson, Histoire*. Cit. P. 13. Fig. 20. Тому, кто, подобно Августину, не был святым, хорошая пара очков могла помочь лучше увидеть чудеса Создателя, или, наоборот, имелось в виду, что и изобретение очков можно поставить среди чудес этого света.

⁴⁶ О разных иконографических «этапах» святого Иеронима: *Russo D. Saint Jérôme en Italie. Étude d'iconographie et de spiritualité* (XIIIe—XVe siècle), Paris – Rome: La Découverte-École Française de Rome, 1987.

⁴⁷ Христос держит в руке земной шар и сидит между двумя алтарями; из открытой дверцы алтаря слева только что вынули чашу, покрытую корпоралом, и поставили на алтарь справа. Стоит обратить внимание на крайний реализм, с которым выписаны занавески с кольцевидной бахромой, висящие на двух железных прутах, изогнутых на концах. Чаша напоминает о предназначении кодекса, Миссала, но одновременно о постоянном повторении жертвы Христа, о чем в давние времена поведали евангелисты. Об изображении земного шара в виде Т см.: *Frugoni C. La figurazione bassomedioevale dell'Imago mundi // «Imago mundi»: la conoscenza scientifica nel pensiero bassomedioevale. Convegni del centro di Studi sulla spiritualità medievale. XXII. 1981 Todi: Accademia Tudertina, 1983. P. 225–269.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.